

carried out simultaneously but in different complementary planes (or measurements) – one supplements another.

As the Bible and all ancient texts says the person, actually, has the same active structure, as the creator. And the act of creation is connected with art of an embodiment of thought in forms and, as consequence, art of creations of name.

After all the world which after creation is not called, becomes senseless. That is why art

of creations of name is one of the most valued in archaic societies, but is important in now. The world of forms needs in actualization and creations of name, – this is the latent preamble of all ancient texts.

Keywords: creation of name, true, the subject, manufacture of set, gods, creation, thought.

Надійшла до редколегії: 15.02.2014 р.

УДК 101.1 (09)

О. А. Осетрова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**Н. А. БЕРДЯЕВ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА САМОУБИЙСТВА**

Анализируется психоаналитическая особенность суицидального сознания экзистенциального одиночки – его способность к сужению до единственной темной точки, концентрирующей в себе всю жизнь и бытие.

Ключевые слова: суицид (самоубийство), суицидент, суицидальное сознание, сужение сознания, вечность, метаболизм.

Путь развития человечества тернист и усеян множеством проблем, зачастую сложно разрешимых и несущих на себе печать трагизма. Такой по своей сути выступает проблема самоубийства, сопровождающая человека с того момента, как он осознал себя в качестве существа конечного, смертного и предстал перед свободой выбора между жизнью и смертью.

С моей точки зрения, особенность природы феномена суицида состоит в том, что каждое без исключения суицидальное действие актуально, поскольку свидетельствует об индивидуальных и общественных болезнях существования человека. Отсюда, логичным и справедливым является тот факт, что Всемирная Организация Охраны Здоровья (ВООЗ) признала уровень самоубийств в каждой конкретной стране индикатором и показателем психического здоровья ее населения в целом.

Проблема самоубийства многогранна, в связи с чем ее изучение охватывает медицинские, социальные, психологические, этические, религиозные, правовые, социологические, философские и другие аспекты. Отсюда, проблема самоубийства служит объектом исследования многих научных отраслей – медицины, психологии, социологии, юриспруденции и т. д. При этом если частные методы, которые используются в указанных отраслях, ограничены, то именно философия, по моему твердому убеждению, призвана служить фундаментом научной суицидологии как таковой, поскольку в своих пределах она открывает возможность фундаментального познания сути сложного феномена самоубийства.

В действительности при тщательном анализе феномена суицида все имеет первостепенное значение. Так, с возрастом человек формируется и развивается как личность, жизненные ориентиры которой изменяются в силу как объективных, так и субъективных условий, которые оставляют отпечаток в сознании индивида, что приводит к специфике мировосприятия, а далее – к специфике мировоззрения. Поэтому философский аспект анализа суицида должен в качестве своего составного элемента рассматривать *особенности сознания*, лежащего в основе личностного начала человека. По этой причине Н. А. Бердяев акцентировал внимание на недостаточности социологических исследований феномена суицида: «Социологическая точка зрения, которая, основываясь на статистике, хочет установить социальную закономерность и необходимость самоубийства, в корне ложна, – подчеркивал религиозный мыслитель, – она видит лишь внешнюю сторону явления, лишь результат незримых внутренних процессов и не проникает в глубину жизни» [1, с. 102]. Наоборот, сам христианский мыслитель сделал попытку проникнуть в глубины суицидального сознания в поисках ответов на вопросы о смысле жизни и причинах добровольного ухода из нее.

Отмеченные попытки ценны тем, что приближают нас к пониманию трагического феномена, а их осмысление выступает существенной предпосылкой процесса разработки профилактических мер по предотвращению суицидальной деятельности, в рамках которого назрела необходимость

создания национальных программ превенции суицидов.

Следует отметить, что творческое наследие Н.А. Бердяева находит свое освещение в работах многих современных исследователей, которые обращаются к различным аспектам его философских трудов, анализируя проблемы творчества и религии, человека и общества, интеллигенции и народа и т. д. Однако результаты осмысления природы феномена самоубийства, к исследованию которого обращался мыслитель, требуют особого внимания, поскольку не нашли должного отражения в научной литературе.

В данном контексте обращает на себя внимание диссертация Ю.В. Писной «Феномен суицида в русской философии XIX – первой половины XX веков», поданная на соискание научной степени кандидата философских наук. Современная исследовательница посвятила целый подраздел диссертации компаративному анализу философских взглядов Н.А. Бердяева и В.С. Соловьева на проблему самоубийства. Кроме того, Ю.В. Писная является автором статьи «Н.А. Бердяев о феномене самоубийства». Исследовательница справедливо пришла к выводу о том, что суицидент, с точки зрения русского мыслителя, акцентировавшего свое внимание на внутренней сущности феномена самоубийства, – это человек, потерявший веру. Кроме того, Ю.В. Писная отметила, что Н.А. Бердяев ведет речь об исключительной концентрации Я самоубийцы на самом себе.

Однако отмеченной замкнутостью и эгоцентризмом суицидента не исчерпывается *экзистенциально-психоаналитический аспект исследования феномена самоубийства*, осмысление которого и составляет **основную цель данной статьи**, что, в свою очередь, обусловило постановку следующих задач:

1) определить ключевые экзистенциально-психоаналитические особенности природы феномена суицида и личности суицидента;

2) выделить экзистенциальные и психоаналитические компоненты, присущие природе самоубийства;

3) проанализировать точку зрения Н. А. Бердяева на отмеченную им связь феномена суицида с жизнью в целом;

4) сделать выводы и очертить перспективы дальнейшего исследования проблемы самоубийства, актуальной сегодня в связи с ростом кривой самоубийств в Украине и во всем мире.

Базой для написания данной статьи, в первую очередь, послужил психологический этюд Н.А. Бердяева «О самоубийстве», написанный им за границей в 1931 году. Этот этюд являет собой реакцию христианского мыслителя, непримиримого противника добровольной преждевременной смерти, на рост самоубийств в среде русских эмигрантов, что, прежде всего, коснулось молодежи.

Для Н. А. Бердяева самоубийство, в первую очередь, по природе своей выступает явлением психологическим, что и обуславливает в процессе его исследования особое внимание к тому душевному состоянию, пребывая в котором человек принимает суицидальное решение. Таким душевным состоянием, с его точки зрения, является безнадежность, в связи с чем он пришел к следующему выводу: «Психология самоубийства есть прежде всего психология безнадежности» [1, с. 92].

Анализируя состояние безнадежности, Н.А. Бердяев акцентировал внимание на следующих моментах, которые требуют своего осознания каждым человеком, даже лишенным суицидальных мыслей и тенденций, поскольку резкое изменение ситуации, внутри которой человек живет, может изменить и его отношение к себе, другим, миру и жизни:

1) безнадежность – это сужение сознания человека, более не замечающего красоты и богатства окружающего – Божьего – мира;

2) в состоянии безнадежности сознание человека сужается до одной единственной точки, в которой замыкается его жизнь: это может быть подоконник, балконная дверь, край пропасти и т. д.;

3) безнадежность есть воплощение бесконечности страдания человека.

Сужение сознания, точки зрения мыслителя, означает освобождение и активное действие в человеке бессознательного, содержащего в себе как инстинкт жизни, так и инстинкт смерти, в связи с чем сила жизни может отождествляться в человеке с силой смерти. И Танатос вступает в права, вырвавшись из глубин бессознательного и полностью подчинив себе волю человека, что особенно характерно для последнего в моменты душевных кризисов, сопровождающихся сильной душевной болью и страданиями.

Иными словами, в случае самоубийства речь идет о сужении сознания страдающего человека вследствие такой концентрации душевной метаболи, которую человек не в силах более вынести. При этом до точки сужается не только сознание человека, выступающее лишь одним из его структурных компонентов, но и самое его Я, потому что, как отметил мыслитель, «самоубийца закупорен в своем «я», в одной темной точке своего «я»...» [1, с. 92]. Такая «закупорка» приводит к тому, что человек в своем суицидальном порыве (решении) действует не по своей воле, а погружается, по выражению религиозного мыслителя, в сатанинскую метафизику самоубийства.

Таким образом, с точки зрения Н.А. Бердяева, самоубийство есть невозможность человека выйти из самого себя. Такую исключительную замкнутость на себе мыслитель определял как эгоцентризм, отметив, что «самоубийца –

всегда эгоцентрик» [1, с. 93], то есть человек, для которого существует только он сам и не существует:

- 1) Бога;
- 2) мира;
- 3) других людей.

Іншими словами, суїцидент – это человек, оказавшийся в полном (экзистенциальном) одиночестве и темноте, причем темнота эта является как внешней (отсутствие поддержки и понимания других людей), так и внутренней. Внешнюю темноту человек может преодолеть, обретя силы в Боге. Но если человек порывает с Богом, тогда, по мнению мыслителя, он действительно погружается в то страшное темное состояние, из которого добровольная смерть видится единственным выходом. Ведь Бог есть Свет. Отсутствие же Бога внутри человека, по Н.А. Бердяеву, свидетельствует о наличии в нем темной пустоты, не способной сопрягаться ни с одной жизненно важной ценностью.

Более того, темная точка, до которой сужается сознание суицидента, по мнению мыслителя, во временной плоскости есть зафиксированное мгновение наивысшего страдания, которое отождествляется суицидентом со всей жизнью и даже со всем бытием, которое, по своей сути, неисчерпаемо. Однако отмеченная неисчерпаемость становится недостижимой для понимания суицидента, который исчерпал всю свою надежду и все свои силы, потенциальные ресурсы, как ему, позабывшему о Боге, кажется. Отсюда Н.А. Бердяев делает интересный по своей логике вывод, который необходимо осознать каждому человеку, принадлежащему к группе суицидального риска, с целью собственного спасения: «Человек в сущности никогда не хочет убить себя, да это и невозможно, ибо человек принадлежит вечности, он хочет уничтожить лишь мгновение, принятое им за вечность, в одной точке хочет уничтожить все бытие, и за это посягательство на вечность он перед вечностью отвечает» [1, с. 95]. На основании этого вывода мыслитель выделил черты, характерные для самоубийцы:

- 1) слабость;
- 2) малодушие;
- 3) несвобода = рабство,

в основе которых лежит психология обиды, равная психологии раба.

При этом наличие обиды в суициденте, приведшей его к отрицанию жизни, не означает отсутствия любви к жизни вообще и к ее благам, в частности. Наоборот, с точки зрения мыслителя, самоубийство, в котором реализуется темная точка Я, является проявлением непросветленной любви к жизни с ее земными благами. По мнению Н. А. Бердяева, самоубийцей движет отчаяние в возможности достижения

счастья, а вовсе не отрешенность от земных благ.

Взаимосвязь между суицидальным поведением и невозможностью обретения человеком счастья в свое время тщательно проследил известный немецкий мыслитель XIX века Л. Фейербах, который непосредственно согласовал человеческое влечение к самоубийству с человеческим же стремлением к счастью, отметив, что содержание Я составляет то внешнее, без которого оно не может существовать. Так, у влюбленного человека его жизнь и Я сосредоточены в любимой, у воина – в военном деле с его атрибутами, у ребенка – в игрушках и т.д. Іншими словами, с точки зрения Л. Фейербаха, Я и его жизнь неделимы.

Таким образом, немецкий философ считал, что Я не может существовать абстрагировано. Отсюда: самосохранение = сохранению того внешнего, что делает Я именно этим Я, а не другим, наполняя его смыслом. Следовательно, самоубийство не противоречит, а согласуется со стремлением к самосохранению: потеря смысла, который содержался для Я в Другом (объекте или субъекте), по каким-то причинам утраченном, закономерна. Эта закономерность нашла свое отражение в следующих определениях, данных Л. Фейербахом: «Жизнь – это связь с любимыми предметами, добровольная смерть – это разлука с ними, но такая разлука, которая выражает лишь нерасторжимость, необходимость этой связи; ибо разлука, которой я не могу пережить, которая связана с моим концом, является, конечно, доказательством нерасторжимости» [4, с. 447].

Отмеченная неразрывная связь, с точки зрения мыслителя, служит доказательством того, что абстрагированное Я – это фикция, которая не в состоянии жить. Необходимость существования для каждого Я жизненно важных связей с Другими в условиях исчезновения, разрыва этих связей трансформируется в необходимость самоуничтожения, которая имеет под собой основания.

Таким образом, как естественная смерть есть природной необходимостью, так *самоубийство* есть не реализацией свободы, по мнению Л. Фейербаха, а – *печальной необходимостью*.

В различных интерпретациях проблема согласованности жизни, добровольной смерти и стремления к счастью рассматривается и современными учеными. В частности, современный русский исследователь В. А. Карпунин в своей работе «Воля к бытию: Онтологический импульс» подчеркивает: «Все живое избегает боли и желает себе приятного... Все люди стремятся к счастью...» [3, с. 261]. Іной точки зрения на данную проблему придерживается русский исследователь В. Н. Карандашев [2], который одним из мотивов самоубийства считает противодействие

человека власти судьбы, отмечая, что когда сил больше нет, можно:

- 1) бессильно отдаться течению;
- 2) найти силы и сделать шаг навстречу судьбе (пойти на самоубийство), испытывая при этом – *счастье*.

Со своей стороны, Н. А. Бердяев отметил, что человек должен найти в себе силы не для того, чтобы покончить жизнь самоубийством, а наоборот для того, чтобы побороть в себе волю к самоубийству, то есть побороть власть мира, под действием которой оказалось Я суицидента. В этом, по его мнению, и состоит парадокс самоубийства. Ведь средства самоубийства человек черпает из того самого мира, из которого он бежит вследствие того, что более не видит в нем сладости и ярких красок. Таким образом, власть мира настолько овладевает суицидентом, что он использует для своего добровольного ухода предлагаемые этим миром средства, являющие собою тот «мир», который и уничтожает человека, оказавшегося в его власти. И эта «власть мира над самоубийцей, – как акцентировал внимание Н.А. Бердяев, – выражается не в том, что он способен думать о мире, отрешившись от себя, забыв о себе, а в том, что он весь поглощен страданиями, которые ему мир приносит, и отчаянием от того, что мир никогда не принесет желанных благ. Это значит, что в отношении к миру он ориентирован эгоцентрически» [1, с. 97].

Отмеченный эгоцентризм значит, с точки зрения русского мыслителя, что суицидент – это человек, не способный жертвовать своей жизнью. Для сравнения отмечу, что подобную позицию занимал французский философ-экзистенциалист Г. Марсель, который четко разграничил понятия самоубийства и самопожертвования. В частности французский мыслитель акцентировал внимание на том, что в целом способность/неспособность к служению, закрытость/открытость для другого являются определяющими качествами при оценке добровольной смерти. Исходя из этих качеств, Г. Марсель установил глубокую и непреодолимую пропасть между самопожертвованием, мученичеством, с одной стороны, и самоубийством, с другой.

Со своей стороны, Н.А. Бердяев также четко разграничивал феномены самопожертвования и самоубийства, отметив, что они по своей сути диаметрально противоположны.

Мыслитель акцентировал внимание на следующих различиях между психологией самоубийцы и психологией самопожертвования:

- 1) психология самоубийцы не содержит в себе отрешенности от мира, наоборот: суицидент вовлечен и поглощен временным, забыв о вечном, что и обуславливает его рабство у мира;
- 2) психология самопожертвования (например, аскета, нацеленного на свое внутреннее духовное самосовершенствование) основывается на вращении в вечность и обретении свободы от мира.

Обращение Н. А. Бердяева к категориям времени и вечности с акцентом на отрицании вечности суицидентом, действия которого утверждают его «укорененность» во временном, позволило мыслителю сформулировать следующие определения феномена самоубийства:

1) «самоубийство есть не только насилие над жизнью, но есть также насилие над смертью» [1, с. 97];

2) «самоубийство есть не только ложное и греховное отношение к жизни, но также ложное и греховное отношение к смерти» [1, с. 98];

3) «... самоубийство есть неуважение к тайне смерти, отсутствие религиозного благоговения, которое она должна к себе вызывать» [1, с. 98];

4) «самоубийство прямо противоположно Кресту Христову, Голгофе, оно есть отказ от креста, измена Христу» [1, с. 98];

5) «самоубийство... есть путь к вечной смерти, оно отказывается от воскресения» [1, с. 98].

Все отмеченные определения освещают экзистенциальный аспект феномена суицида, который являет собою наибольшее зло, поскольку речь идет об убийстве живого существа. Самоубийца уничтожает тело и душу, нарушая свои обязанности относительно Бога, других людей, мира и самого себя. Возводя во главу угла ненависть вместо любви, суицидент тем самым отрицает, разрушая, духовное начало.

С другой стороны, сохранение и дальнейшее развитие духовного начала, равное самосовершенствованию личности, возможно, уверен Н. А. Бердяев, при принятии в себя таких трех ценностей, как:

- 1) христианская вера;
- 2) надежда;
- 3) любовь.

Эти три составляющие, с точки зрения русского философа, и наполняют личность сверхличностным содержанием, определяя наличие:

- 1) смысла человеческой жизни;
- 2) условий для развития и утверждения личности;
- 3) условий для осознания человеком своей принадлежности к великому целому.

С точки зрения мыслителя, ценность отмеченного выше великого целого состоит в том, что оно по своей значимости превосходит значение отдельного человека, тем самым открывая перед ним горизонты существования, наполненного смыслом. И наоборот: «Жизнь делается совершенно плоской с того момента, как я самого себя поставил выше всего, на вершине бытия» [1, с. 107]. Во втором случае перед человеком, констатировал Н. А. Бердяев, открывается путь тоски и уныния, ведущий к самоубийству.

Иными словами, путь к спасению человека, с точки зрения мыслителя, состоит в раскрытии

внутри себя духовности как силы (и усилий) личного духа, что и позволит человеку соприкоснуться как с вечностью, по сравнению с которой временное выглядит ничтожно малым и несущественным, так и с Богом, возвышающимся не только над отдельным человеком, но и миром в целом.

Таким образом, позиция Н. А. Бердяева относительно самоубийства однозначна: он неприемлет и осуждает его как проявление слабости, рабства и духовного падения человека. При этом мыслитель выступает против осуждения самоубийц, поскольку суд, как таковой, принадлежит не человеку, но – Богу. Ведь именно обращение к Богу, уверен мыслитель, и составляет единственно верный путь спасения суицидента. Речь идет о пути, на котором возможно преодоление суженного сознания суицидента, оказавшегося во власти темного бессознательного.

В духе психоанализа Н. А. Бердяев акцентировал внимание на наличии наряду с сознанием и бессознательным *сверхсознания*, к обретению которого и должно стремиться человеку. И это спасительный путь преодоления человеком своего сознания и бессознательного, поскольку:

1) сознание – это некая середина бытия; тот, кто обрел ее, погружается, как правило, в метаболь, поскольку сознание служит источником страдания (это прекрасно изобразил в своих трудах Ф. М. Достоевский);

2) бессознательное, будучи шире сознания, должно трансформироваться посредством работы сознания в сверхсознание;

3) сверхсознание есть вершина бытия, в которой происходит обожение человеческой природы.

При этом развитие сознания, увенчивающего его самосознания и сверхсознания – это путь прогрессивный. Отсюда становится понятным неприятие самоубийства Н.А. Бердяевым, для которого «инстинкт самоубийства есть регрессивный инстинкт» [1, с. 110], отрицающий «положительное нарастание смысла в мировой жизни» [1, с. 110].

Здесь следует отметить, что наличие самого факта сомнения есть двигатель развития. Однако есть вещи, в которых нельзя сомневаться: для Р. Декарта, например, несомненным всегда оставался сам факт сомнения, а с точки зрения Н. Бердяева, не имеет смысла сомневаться в ценности сознания, личности и свободы. А ведь это именно те ценности, в которых сомневается самоубийца, абсолютизируя свои сомнения совершаемым суицидом. Н. А. Бердяев отметил, что, отрицая ценность сознания, человек проявляет свою слабость, поскольку пытается избежать страданий, порождаемых сознанием и сопровождающих становление свободной личности.

Выводы. Таким образом, взгляды Н. А. Бердяева на самоубийство представляют

собой экзистенциально-психоаналитический срез исследуемой проблематики, вобравший в себя соответственно как экзистенциальное видение проблемы человека, так и достижения в области психоанализа, что можно представить в виде следующей схемы:

экзистенциальное одиночество → сужение сознания (психоаналитический механизм) → самоубийство, прекращающее духовное развитие человека и его путь к сверхсознанию как вершине неисчерпаемого бытия.

Перспективы. Данная статья послужит структурным компонентом в процессе создания целостной экзистенциально-психоаналитической картины видения природы самоубийства с учетом достижений как отечественной, так и зарубежной философской мысли.

Библиографические ссылки

1. Бердяев, Н. О самоубийстве [Текст] / Н. Бердяев // Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. – М.: Когито-Центр, 2001. – С. 89 – 112.

2. Карандашев, В.Н. Жить без страха смерти [Текст] / В.Н. Карандашев. – 3-е изд. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2005. – 336 с.

3. Карпунин, В.А. Воля к бытию: Онтологический импульс [Текст] / В.А. Карпунин. – СПб.: Алетейя, 2004. – 288 с.

4. Фейербах, Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли [Текст] / Л. Фейербах // Фейербах, Л. Избранные философские произведения: В 2 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 442 – 577.

Осетрова О. О. М. О. Бердяев: екзистенціально-психоаналітичний аспект дослідження феномена самогубства.

Аналізується психоаналітична особливість суїцидальної свідомості екзистенціального самотника – її здатність до звуження до єдиної темної точки, котра концентрує в собі все життя й буття.

Ключові слова: суїцид (самогубство), суїцидент, суїцидальна свідомість, звуження свідомості, вічність, метабіль.

Osetrova O. N. A. Berdyaev: existential-psychoanalytic aspect of the study of the suicide phenomenon.

Psychoanalytic feature of suicidal consciousness of existential loner was analyzed, and also its ability to narrow down to a single dark spot, concentrating in itself all life and being.

Keywords: suicide, suicident, suicidal consciousness, narrowing of consciousness, eternity, metapain.

Надійшла до редколегії: 23.02.2014 р.